

Кыргызско-турецкий университет «Манас»
пр. Мира, 53, Бишкек, 720040, Кыргызская Республика

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: tabaldievk@yahoo.com

ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНЫМИ, В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ *

Анализируется один из элементов погребального обряда кочевников Тянь-Шаня. В эпоху раннего железа, Великого переселения народов и в Средние века здесь существовали устойчивые традиции, связанные с положением погребальной пищи рядом с погребенным. В этом качестве использовали определенную часть туши овцы или барана. При раскопках рядовых курганов раннего железного века часто встречается курдючная часть туши (крестец), которая нередко обнаруживалась и в женских погребениях. В курганах первой половины I тыс. н. э. найдены бедренная кость и крестец. Рядом с умершим клали также вырубленный фрагмент замкнутой части тазовой кости. Исследования курганов тюрок Тянь-Шаня и, прежде всего, курганов, содержащих погребения человека с конем, показывают характерное использование тюрками в VII–IX вв. большой берцовой кости. В погребениях, датированных XIII–XIV вв., берцовая кость часто фиксируется у изголовья. В некоторых могильниках рядом с берцовой костью обнаруживалась и лопатка. В женских погребениях в районе поясницы и тазобедренного сустава в ямочке размещались 2–3 позвонка барана. Положение рядом с умершими берцовой кости в первой половине II тыс. н. э. является признаком, характерным для тюрок раннего Средневековья и поздних кочевников Забайкалья. По всей вероятности, этот обряд, начало которому было положено тюрками, в монгольской среде получил более длительное бытование. Размещение отдельных частей туши барана в погребении было непосредственно связано с порядком распределения мяса для угощения гостей и родственников, где учитывались их статус, возраст. Отдельные элементы этой традиции сохранились в культуре кыргызов до сих пор.

Ключевые слова: Тянь-Шань, Кыргызстан, древние и средневековые кочевники, погребальный обряд, кости домашних животных в погребениях, большая берцовая кость овцы.

Общеизвестно, что животноводческое хозяйство наложило отпечаток на все стороны жизни кочевников-скотоводов. Многими исследователями отмечено, что кости животных в курганах, прежде всего, связаны с погребальным обрядом. Они являются материальными остатками совершившегося действия в честь умершего и в процессе его захоронения, в том числе поедания мяса домашних животных, принесенных в жертву. Материальные остатки тризны обнаруживаются при зачистке насыпей курганов, раз-

борке насыпей, выборке содержимого могильной ямы, входной ямы катакомбного или подбойного захоронения и т. д. В то же время кости, найденные около погребенных, являются остатками пищи, положенной «для умершего». Это связано с желанием обеспечить покойника всем необходимым на том свете, умиловить его, оказать внимание и уважение [Обельченко, 1992. С. 125–126]. Исследования показывают, что обряд, возникнув в определенной среде, носил относительно устойчивый характер,

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ: соглашение № 14.В37.21.1994 «Сравнительное исследование культуры средневековых кочевников Южной Сибири, Алтая (Россия) и Тянь-Шаня (Кыргызстан)».

т. е. становился традиционным. Вместе с тем, под воздействием объективных факторов, он видоизменялся со временем.

В археологии Кыргызстана интерес к этим вопросам возник с того времени, когда стали систематически изучаться курганы ранних кочевников. Остатки костей или целые скелеты животных, обнаруженные в анатомическом порядке, были использованы для характеристики их хозяйственной деятельности и при определении состава стада. По мере накопления материалов стали известны устойчивые признаки обряда, связанные с проводами умершего. В трудах А. Н. Бернштама [1952] и А. К. Кибирова [1959], производивших раскопки курганов кочевников Тянь-Шаня, содержатся сведения об обнаруженных около погребенных костях. Среди архивных материалов К. Кожомбердиева имеются отдельные таблицы, где указывался состав вещевых находок и отмечались виды костей домашних животных, найденных около погребенных.

В данной публикации предполагается изложить результаты наших наблюдений, осуществленных во время раскопок курганов древних и средневековых скотоводов Внутреннего Тянь-Шаня и Алая. Речь пойдет об остатках костей домашних животных, обнаруженных в курганах. Наши наблюдения в этом направлении начались в 1987 г. в составе Кочкорского археологического отряда под руководством А. К. Абетекова [1989]. Тогда при раскопках рядовых курганов сакко-усуньского круга повсеместно были зафиксированы кости животных. Особое внимание привлекла курдючная часть туши барана (крестец), которая нередко обнаруживалась в женских погребениях. Можно было предположить, что крестец в могиле являлся одним из устойчивых элементов погребального обряда.

В 1989 г. во время раскопок пяти курганов первой половины II тыс. н. э. на могильнике Кичи-Ача (Ат-Башинская долина Внутреннего Тянь-Шаня) зафиксированы аналогичные элементы погребального обряда. Часто у изголовья покойного находилась большая берцовая кость с костями заплюсны. В одном случае удалось установить, что эта кость лежала в вертикальном положении – кости заплюсны были направлены вверх. Первоначально аналогии указывали принадлежность данных объектов к средневековым монголам, так как до сих пор «ге-

неральным признаком» монгольских погребений считается обрядовый ритуал установки у изголовья погребенного берцовой кости задней ноги барана (овцы) в вертикальном положении. На это указывают материалы из раскопок в Забайкалье [Именное, 1992]. Но исследования курганов тюрок Тянь-Шаня и, прежде всего, содержащих погребения человека с конем, дают основания сделать вывод, что такое использование большой берцовой кости барана было известно ранее – в VII–IX вв. [Табалдиев, 1991; 1996. С. 26–35, 111–115]. Позднее новые данные, полученные при раскопках курганов кочевников различных исторических эпох, позволили продолжить исследование в новом направлении. Сделаны находки, свидетельствующие об использовании костей и животных в погребальном обряде не только средневековым, но и древним населением (к сожалению, немногочисленные пока свидетельства не позволяют выявить устойчивые традиции в погребальном обряде, связанные с положением костей животных в погребениях эпохи бронзы).

В памятниках I тыс. до н. э. и позднее встречаются, чаще в женских погребениях, курдючные части овцы. Иногда в мужских погребениях находят крестец лошади (*уча*). Такие кости отмечены в ходе раскопок А. К. Абетековым могильника Бугучу, в группе курганов, имевших диаметр около 20 м. Но в Средневековье рядом с покойными эти кости не фиксировались. Факты, связанные с данными частями туши овцы или лошади, известны уже только в этнографии кыргызов Тянь-Шаня: курдючная часть туши овцы подается почетным женщинам, а крестцовую часть мяса лошади (*уча*) полагают подавать особо почетному мужчине.

Рассмотрим более детально случаи находок костей животных в погребальных памятниках первой половины I тыс. н. э., когда широкое распространение получили подбойные и катакомбные захоронения. Так, при раскопках курганов эпохи Великого переселения народов на Тянь-Шане и Алае были найдены следующие кости барана: крестец, лопатка, позвонки, бедренная кость, изредка берцовая кость, ребра. Можно отметить небольшую разницу в расположении указанных костей на отдельно взятом памятнике (рис. 1–3). В некоторых погребениях этого времени вместе с черепами

мелкого рогатого скота найдены и черепа лошадей. Так, в могильниках Кызарт и Туюк III–V вв. среди человеческих костей обнаружены черепа мелкого рогатого скота. В могильнике Бурамачап II вход в могилу был перекрыт каменными плитами, на которых лежали два черепа лошади.

Положение черепов домашних животных рядом с погребенными до настоящего времени на Тянь-Шане в курганах сако-усуньского времени не встречалось. Этот обряд был характерен для центральноазиатских хуннов и племен, зависимых от хуннов. Поэтому мы, опираясь на указанные данные, считаем, что в среде кочевников Тянь-Шаня и Алая существовали элементы культуры хуннов. В связи с этим позднее черепа животных встречаются и в погребениях VII – начала VIII в. (определяемых как тюркские) в западных от Тянь-Шаня регионах [Атавин, 1996. С. 209]. На наш взгляд, на Тянь-Шане данное явление не связано напрямую с военной экспансией хуннов, а относится к сфере культурных контактов с отдельными немногочисленными группами населения из бывшей среды хуннов. Есть свидетельство о взятии в плен усунями около 40 тыс. воинов хуннов (39 тыс.) [Бичурин, 1950. С. 82]. При проживании в среде усуней они могли сохранить некоторые черты своего погребального обряда.

При объяснении фактов наличия костей животных в погребениях невозможно не обратить внимание на тот факт, что в Сон-Куле (могильник Чон-Дёбё, курганы 50, 51, 54, 61, 62, 61), в основном во впускных детских погребениях ранних кочевников, вместе с остальными костями найдены рубленные части замкнутых тазовых костей барана [Табалдиев, Бозер, 2003]. Такие же данные были получены на могильнике Мечит в Ат-Башинской долине, в грунтовом погребении, датированном III–V вв. н. э., в погребении IV–V вв. н. э. в Северном Прииссыккулье (могильник Кароол-Дёбё, курган 8) [Кольченко, Ротт, 2007. С. 28], в могильнике II–III вв. н. э. Уч-Курбу в Южном Прииссыккулье [Атаоглы и др., 2010. С. 7] (см. рис. 1–2). Множество этих фактов, полученных из различных могильников Кыргызстана, позволяют говорить о наличии устойчивого элемента погребального обряда кочевников первой половины I тыс. н. э. В погребениях других эпох аналогичных признаков мы не наблюдаем. Полагаем, что данная часть кос-

ти не является погребальной «пищей», а связана с другим обрядом. Возможно, она «должна была предохранять» живых сородичей от очередной смерти, а также «предупреждать» детскую смертность.

Мы далеки от прямого сопоставления деталей погребального обряда хуннского времени с этнографическими сведениями, но есть любопытные совпадения. Согласно традиции кыргызов, после поедания или очистки лопатки животного от мяса следует рассечь ножом широкий конец лопатки – ее нельзя оставлять целой (*бүтүн калтырбайт*). Этот факт пока не имеет археологических параллелей. Есть еще одна редко исполняемая, уже угасающая процедура – при помощи ножа, также после поедания мяса с кости, разбивается или разрезается запертое отверстие тазовой кости. Это редкое, повсеместно не распространенное правило, отмечено в Нарынской и Иссык-Кульской областях. Причина его бытования не известна. Примечательно также, что у кыргызов до сих пор сохранился обычай, связанный с положением запертого замка рядом с умершим. Его клали, когда в семье повторялся смертельный случай, в том числе при смертности детей. Считали, что теперь смерть станет бессильной и не повредит живым, так как заперта на ключ. Возможно, факты оставления замкнутой части тазовой кости в древних погребениях и оставление около умершего замка у современных кыргызов перекликаются.

В раннем Средневековье – в эпоху распространения древнетюркских погребений с конем, рядом с умершими ставили большую берцовую кость барана (овцы). Этот факт был отмечен нами в средневековых тюркских могильниках Бел-Саз и Беш-Таш-Короо (рис. 4). Имеются также новые свидетельства бытования данного обычая с территории Южного Прииссыккуля. Берцовую кость размещали нередко и в поминальных оградках средневековых тюрок [Табалдиев, 1996 С. 73–74, 125–126]. Данный обряд – положение большой берцовой кости барана в могилу, был характерен и для отдельных групп тюрок Юго-Западного Алтая, хоронивших умершего в сопровождении коня. Эта кость находилась как около лошади, похороненной во входной яме подбойной могилы, так и около лошади, находящейся в могильной яме вместе с человеком. Данные факты из могильника Кальджин-8 важны

Рис. 1 (фото). Погребение II–III вв. н. э. в кургане 4 могильника Уч-Курбу в Прииссыккулье:
1 – бедренная кость; 2 – половина тазовой кости и хвостовая часть позвоночника барана

Рис. 2 (фото). Кости барана в погребении II–III вв. н. э. в кургане 4 могильника Уч-Курбу в Прииссыккулье
(без масштаба)

не только для картографии аналогичного обряда в Средней и Центральной Азии, но и этнокультурной интерпретации носителей обряда [Молодин и др., 2003. Рис. 8–9, 15].

У древних тюрков на Тянь-Шане, кроме лошади рядом с погребенными встречаются целые туши барана. Их клали иногда вместо коня – это можно предположить, поскольку рядом находятся детали конского снаряжения. Так, в могильнике Аламышык около погребенного найдено стремя (рис. 5, 1). В могильнике Суттуу-Булак в погребении с бараном (рис. 5, 2) во входной яме найдено миниатюрное седло [Худяков, Табалдиев, 1999]. Существует и свидетельство о погребении быка рядом с умершим. Такое захоронение впервые было обнаружено в могильнике Бел-Саз (Кочкорская долина). Курган потревожен грабителями, но сохранившиеся в анатомическом порядке кости скелетов человека и животного позволяют уточнить основные детали погребального обряда. Памятник датируется тюркским временем (по специфике погребального обряда и баночному сосуду). Погребения быка в памятниках предшествующего времени нам не известны. Имеются факты обнаружения только отдельных костей этого животного [Грязнов, 1977].

Пока есть только одно свидетельство о захоронении собаки в средневековом тюркском кургане в Кочкорской долине. Ее кость находилась в заполнении входной ямы. Археологом О. А. Солтобаевым, здесь же, в местности Тундук, в погребальном сооружении, датированном X–XII вв., найдены скелеты собаки и мелкого рогатого скота. В XI–XIV вв. продолжали укладывать у изголовья покойных большую берцовую кость барана. Иногда рядом с большой берцовой костью клали лопатку барана (*далы*). Кроме того, в женских погребениях в области пояса находили ямочки с двумя или тремя позвонками барана. Редко в погребениях этого времени у изголовья клали курдючную часть туши барана (рис. 6, 7). Судя по данным фактам, можно сказать, что даже после внедрения ислама среди населения Тянь-Шаня практиковались обряды, характерные для раннего Средневековья.

В настоящее время кажется проблематичной задача выявления значения обычая положения рядом с покойным определенной части барана, тем более, что он изменялся на каждом этапе исторического развития. По-

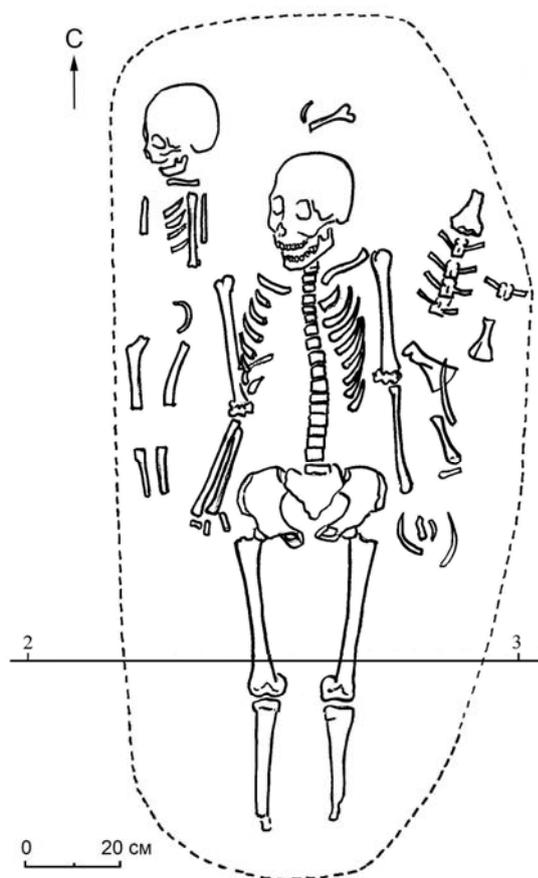

Рис. 3. Погребение III в. н. э. в кургане 34 могильника Суттуу-Булак в Тянь-Шане; рядом с погребенными кости барана

этому приведем современные этнографические данные. Хотя они полностью и не объясняют указанный обычай, но представляют для нас единственную возможность гипотетической реконструкции. Исследователи средневековых памятников Забайкалья приводят следующие объяснения обряда положения рядом с погребенным берцовой кости барана. По мнению Е. В. Ковычева, она «играла роль сульдэ – вместилища души умершего» [1984. С. 32]. «Согласно верованиям монголов, кость барана, содержащая сульдэ, играла какую-то определенную роль в посмертном существовании человека» [Данилов, 1985. С. 89]. «Сульдэ» – это душа, точнее одна из душ, которая олицетворяла гения-хранителя своего рода, племени. Понятие «сульдэ» семантически едино с тюркским «кут», которое выражало представление не только о зародыше, жизненной силе, но также и о счастье

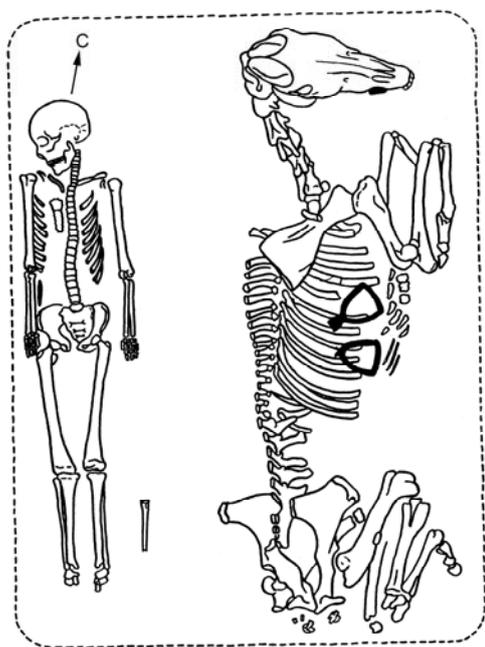

Рис. 4. Погребение с конем VII–VIII вв. н. э. в кургане 13 могильника Беш-Таш-Короо I в Тянь-Шане; между скелетом человека и коня берцовая кость барана (без масштаба)

и благодати [Галданова, 1987. С. 48–49]. У кыргызов сохранилось другое значение слова «сүлдө», «сүлдө». Оно выступает как синоним слова «кость» (говорят – *сүлдөсү эле калыпыр*, т. е. так похудел, что у него осталась одна кость). Это замеченная связь в этимологии слова «сульдэ» у бурят и «сүлдө» у кыргызов указывает на формирование данного обряда в тюрко-монгольской среде.

Существует интересная легенда, связанная с берцовой костью барана, записанная одним из первых бурятских ученых советского периода Г. Д. Нацовым: «У древних монголов был обычай особого почитания старцев, доживших до почетного возраста, увидевших свое пятое поколение. Это почитание было связано с жизнью старца. Для совершения этого обряда резали самого большого и жирного барана и устраивали большой пир. На дне блюда прятали курдюк, разрезанный на пять частей. Затем старцу подносили самое крепкое архи – арза. Совсем захмелевшего, насытившегося старца, когда он не мог уже ни есть, ни пить, угощали кусками курдюка. Из пяти кусков, находившихся на блюде, первый

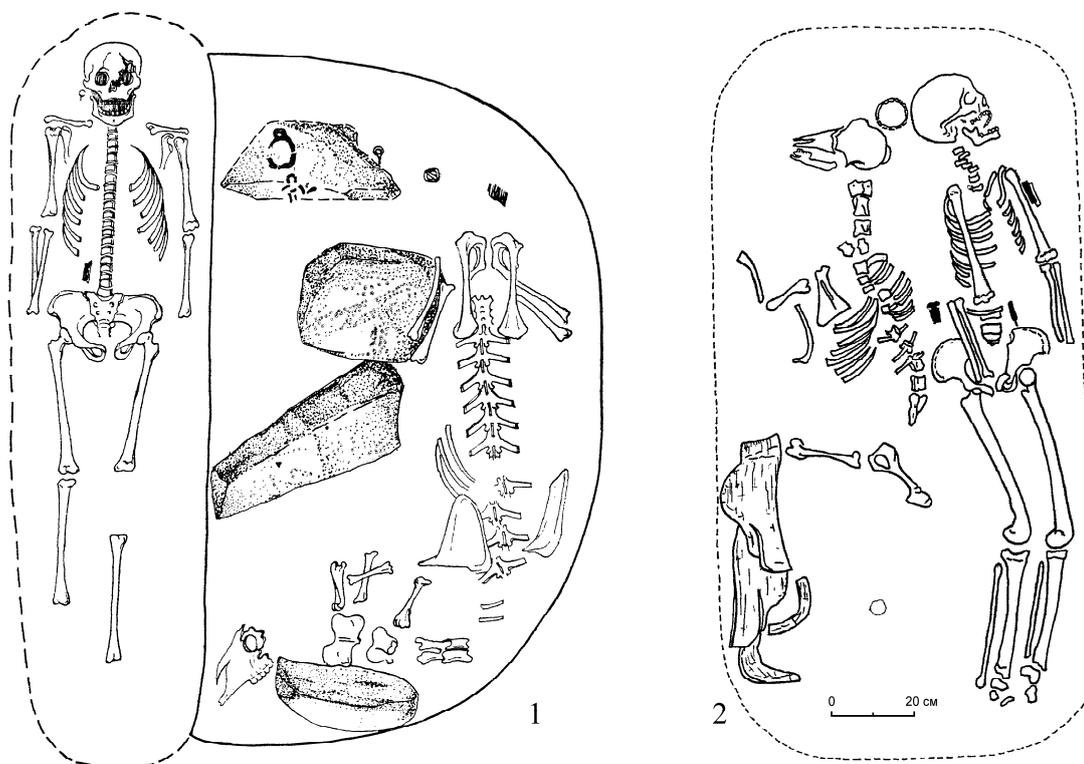

Рис. 5. Погребения с бараном VII–VIII вв. н. э. на Тянь-Шане: 1 – курган 69 могильника Аламышык (по: [Бернштам, 1952]); 2 – курган 54 могильника Сутту-Булак (по: [Табалдиев, 1996])

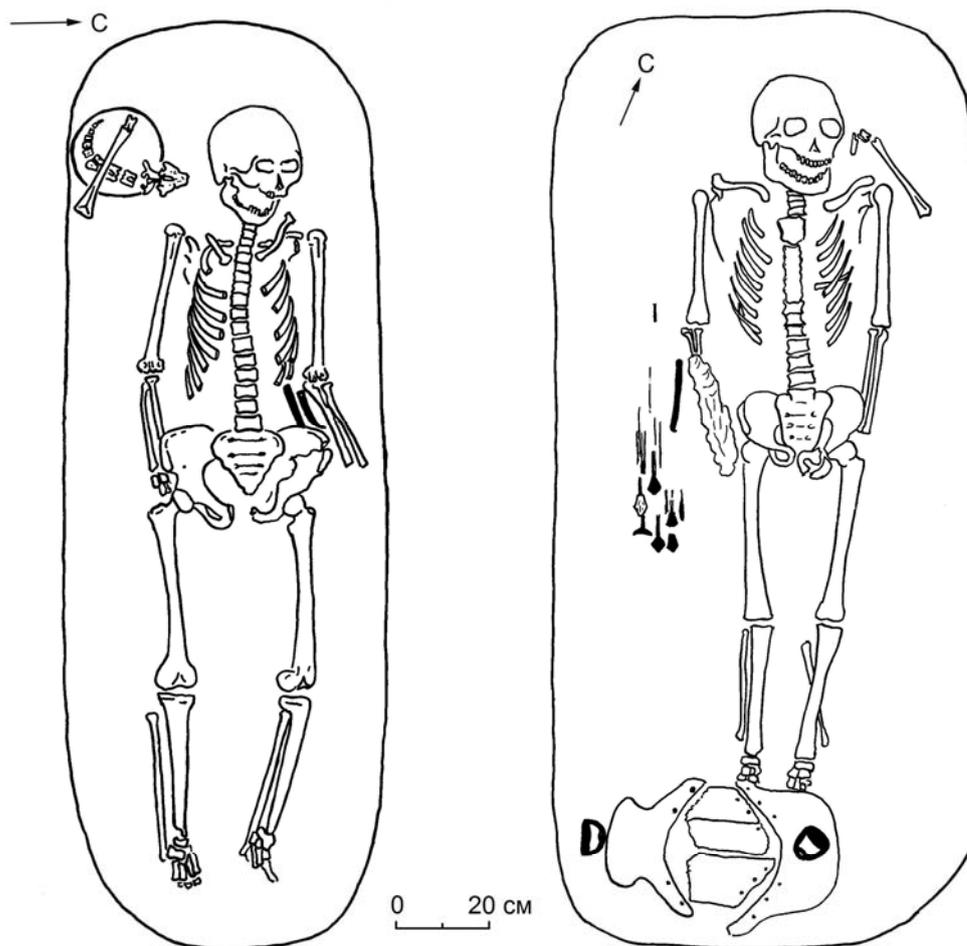

Рис. 6. Погребения XIII–XIV вв. на Тянь-Шане: 1 – курган 1 могильника Бел-Саз III; справа у изголовья берцовая кость и крестец барана; 2 – курган 3 могильника Туура-Суу; слева у изголовья берцовая кость барана

давали онгону барас – хранителю домашнего счастья, а остальные четыре куска на бараньей лопатке подавали старцу и закладывали ему в рот один за другим при помощи берцовой кости, и старец “хотоо дуурэн идэжэ, хубия дуурэн жаргажа ун-гэрдэг”, т. е. умирает почетной смертью, изведав положенное ему счастье полностью. На его похоронах, кроме всех прочих вещей, в могилу клали баранью лопатку и берцовую кость» [Галданова, 1986. С. 115]. По сведениям этнографов, обычай «закармливания» стариков в прошлом был известен у ряда народов, в том числе и у хакасов [Львова и др., 1989. С. 67].

Исходя из этой легенды, следует ли считать всех погребенных с бараньей лопаткой и берцовой костью умершими «почет-

ной смертью», поскольку они встречались рядом с покойниками различного пола и возраста? Можно лишь предполагать, что и доблестная смерть воина, и естественная смерть человека, и смерть человека после оставления потомков, могли быть оценены обществом как равноценные «почетной смерти». Это и символизировалось положением рядом с покойниками указываемых бараньих костей.

Как видно, положение рядом с умершими берцовой кости в первой половине II тыс. н. э. сочетает признаки традиций тюрок раннего Средневековья и поздних кочевников Забайкалья, где в I – середине II тыс. н. э. в своеобразном этническом котле происходила «переплавка» тюрко-, монголо- и тунгусоязычных народов, а на

Рис. 7 (фото). Детское погребение XIII–XIV вв. в кургане 1 могильника Боз-Адыр в Прииссыккулье; слева над плечевой костью погребенного берцовая кость и лопатка барана, справа в области живота три позвонка барана

Рис. 8. Процесс распределения конины гостям (Нарынская область; фото автора)

основе политических союзов образовывались этнические конгломераты [Кириллов и др., 2000. С. 82]. По всей вероятности, этот обряд был характерен для тюрков, а в тюрко-монгольской среде получил дальнейшее развитие.

Со временем под влиянием этнической среды в Кыргызстане он менялся. В позднесредневековые погребения кроме берцовой кости стали класть дополнительно лопатки, а в женские погребения – позвонки барана. Но наиболее существенно погребальный обряд изменился с проникновением ислама, когда оставлять рядом с покойником погребальный инвентарь и ритуальную пищу запрещалось. Тем не менее имеются устные сведения, что в знак уважения в могилу богатого покойника клали зарезанного барана, а в могилу бедняка ставили горшок с ячменным напитком [Абрамзон, 1946. С. 52]. До настоящего времени в кыргызской семье заранее планируют процесс распределения сваренного мяса для гостей (рис. 8). Это серьезная и ответственная процедура, которая требует особого этикета. Ошибка при распределении может

косвенно обидеть кого-нибудь из гостей, и чтобы не допустить этого, необходимо соблюдать обычай (см. рис. 8). Родители стараются приучить детей к правилу распределения мяса согласно статусу приглашенных гостей. Оно предусматривает пол, возраст и статус приглашенных, а также и обслуживающий персонал (сноха, сын, дочь) и детей. Например, курдючная часть подается исключительно наиболее уважаемой женщине или самой старшей [Табалдиев, 1996. С. 114]. Если приглашены сваты, особо почетные гости или гости издалека, то им также отводится курдючная часть. Женщине преподносят курдюк (*куймулчак*), мужчине – тазовую часть (*жамбаи*). Далее следуют берцовая часть, бедренная, передняя, лопатка, позвонки спины, голова. А остальные части уже являются второстепенными и не подаются гостям.

Подача частей мяса крупного скота имеет другую специфику. При распределении конины самой почетной считается задняя часть (*уча*). Подается она мужчине – самому старшему или самому почетному. Если гости одного статуса, т. е. друзья, одногодки,

то здесь предпочтение отдается приехавшему издалека. Остальным почетным гостям подаются большие позвонки, ребра и т. д.

В настоящее время в северной части Кыргызстана во время похорон в честь умершего (*кара аш*) и при годовых поминках (*аш*) закалывают лошадь, что составляет большие затраты. При этом имеются и более экономные варианты использования других животных – коровы, барана. В советское время административными методами и пропагандой, а сейчас местной администрацией и служителями ислама делаются попытки прекратить пожертвования лошадей во время похорон. С ухудшением экономической ситуации и ростом цен на этих животных такое становится возможным. Можно предположить, что в подобных условиях мог измениться обряд сопогребения лошади рядом с человеком с появлением и укреплением ислама на территории Кыргызстана. Тогда эта лошадь была заменена конским снаряжением, а саму ее приносили в жертву и использовали в качестве пищи. Другую же лошадь со снаряжением, предназначенную по традиции для имитированного сопогребения с человеком (*бурак-ат*), жертвовали символически и дарили мулле.

Сейчас около погребенных «погребальную пищу» не оставляют. Но до недавнего времени в отдельных регионах на поминальных памятниках оставляли головы животных. В Прииссыккулье на поминальном памятнике (*гумбез*) устанавливали рог оленя, в Кадамжайском районе на столбе у могилы укрепляли голову горного козла, в Алайском районе на могиле охотника поставили голову архара. В Ат-Башинском районе отмечен факт оставления в гумбезе умершего головы заколотой при годовых поминках лошади. Таким образом, как часть древних представлений некоторые консервативные элементы погребально-поминального обряда сохранились до наших дней.

Кроме погребального обряда, несомненно, кости домашних животных имели широкое употребление в повседневной жизни. При археологических раскопках встречается множество предметов материальной культуры, сделанных из кости и рога. Это орудия труда (рукоятки ножей, плетей, кочедыки), детали конского снаряжения (подпружные пружки, накладки на седла), предметы вооружения (панцирные пластины, накладки на луки) и многое иное. Отдельные кости

и зубы животных использовались в качестве амулетов-подвесок. На отдельных костях сохранились уникальные образцы косторезного искусства – выполненные на высоком художественном уровне рисунки, остающиеся одним из главных источников для исследования художественного творчества и духовной культуры в целом средневековых племен Тянь-Шаня.

Результаты проведенных нами наблюдений подтверждают важность использования данной особенности и, в известной мере, признака погребального обряда – наличия определенного вида костей и скелетов животных, при установлении этнокультурной принадлежности погребенных в памятниках I–II тыс. н. э. как на территории Кыргызстана, так и при изучении культур ряда иных регионов степного пояса Евразии. В целом, с изучением роли домашних животных в погребально-поминальном обряде открываются новые возможности для воссоздания отдельных культурных элементов древнего, средневекового и современного населения, в первую очередь кочевого.

Список литературы

Атавин А. Г. Погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996. 209 с.

Абетеков А. К. Новые памятники саков-тиграуда во Внутреннем Тянь-Шане // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. С. 132–134.

Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946. 122 с.

Атаоглы Р., Табалдиев К. Ш., Белек К., Ашык А. Археологические исследования в кыргызско-турецком университете «Манас». Бишкек: Изд-во КТУ «Манас», 2010. 56 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 348 с.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 116 с.

Галданова Г. Р. Традиционные верования и обычаи забайкальских бурят в рукописях Г. Д. Нацова // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ, 1986. С. 112–129.

Грязнов М. П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 80–88.

Данилов С. В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 86–90.

Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи Средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 23–47.

Кибиров А. К. Археологические работы в Тянь-Шане // Тр. КАЭЭ. М., 1959. Т. 2. С. 77–130.

Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 175 с.

Ковычев Е. В. История Забайкалья I – сер. II тысячелетия н. э. Иркутск; 1984. 83 с.

Кольченко В. А., Ротт Ф. Г. Аварийные работы на могильнике Кароол-Дёбё в 2003 г. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2007. Вып. 2. С. 25–34.

Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 241 с.

Молодин В. И., Новиков А. В., Соловьев А. И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 87–93.

Обельченко О. В. Культура античного Согда: по археологическим данным VII в. до н. э. – VII в. н. э. М.: Наука, 1992. 256 с.

Табалдиев К. Ш. Об интерпретации погребений домашних животных // Материалы XXX Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1991. С. 7–12.

Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевников Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Табалдиев К. Ш., Бозер Р. Памятники ранних кочевников долины озера Сон-Куль // Степи Евразии в древности и средневековье // Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2003. Кн. 2, ч. 3: Бронза, ранние кочевники. С. 158–161.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрков Центрального Тянь-Шаня // РА. 1999. № 3. С. 50–58.

Материал поступил в редколлегию 11.12.2012

K. Sh. Tabaldyev

TRADITIONS WITH ANIMALS IN BURIALS OF TIEN-SHAN NOMADS

This publication examines one of the elements of the funeral ceremony of the nomads of the Tien Shan. In the early Iron Age, the Great Migration and the Middle Ages there existed strong tradition associated with the position of the accompanying food near buried. As such, using a part of the carcass sheep or ram. During the excavation of ordinary Iron Age burial mounds common part of the carcass fat tail (sacrum), which is often found in women's graves. In the first half of the mounds I millennium AD found the femur and pelvis. Placed near the deceased carved fragment also closed part of the pelvic bone. Studies mounds Turks Tien Shan and, above all, mounds containing human burials with horse show typical use of the Turks in VII–IX centuries tibia. In the burials dated XIII–XIV centuries, tibia often fixed at the head. Some cemeteries near the tibia was detected and a spade. In the female burials in the waist and hip dimple placed 2–3 vertebrae ram. Standing next to the dead tibia in the first half of the II millennium AD is a feature characteristic of the early Middle Ages the Turks and later nomads Transbaikalia. In all likelihood, this ceremony, which was initiated by Turks in Mongolia's environment was more prolonged existence. Placing parts sheep carcasses in the burial was directly related to the allocation of meat treats for guests and relatives, which take account of their status, age. The individual elements of this tradition are preserved in the Kyrgyz culture ever since.

Keywords: Tien-Shan, Kyrgyzstan, ancient and medieval nomads, burial ceremony, bones of domestic animals in burial ceremony, tibia of the sheep.